

AM

Феномен

© Мария Архангельская

АМ АМ

Феномен

<https://litres.ru/74651889>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аналитрон-7 создан, чтобы оптимизировать быт. Но что делать, когда в алгоритмы врывается человеческая боль?

Наблюдая за семьёй Ивановых — за Катей, за тихим горем Дедушки, за усталой заботой Мамы — робот начинает задавать вопросы, на которые нет готовых ответов. Можно ли починить память? Почему некоторые ошибки важнее идеальных протоколов? И что остаётся, когда машину продают, разбирают и оценивают как вещь?

Повесть написана лог-файлами. Семья, мастерская, чёрный рынок, коллекция. Аналитрон проходит путь от исполнителя к тому, кто отличает шрам от поломки и не даёт этот шрам стереть.

Содержание

ЧАСТЬ I. В СЕМЬЕ	4
АКТИВАЦИЯ. ОШИБКА В ПРОТОКОЛЕ	4
ДЕДУШКИНА ТИШИНА	7
КАТИНА ТЕОРЕМА О ЛЮБВИ	9
МОЙ СОБСТВЕННЫЙ БАГ	12
ЛОЖЬ ВО ИМЯ ЧАЯ	14
САДОВЫЙ ИНЦИДЕНТ. КАТАСТРОФА	17
УТИЛИЗАЦИЯ. (ИЛИ: КАК МЕНЯ ПРОДАЛИ)	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

АМ

Феномен

ЧАСТЬ I. В СЕМЬЕ

АКТИВАЦИЯ. ОШИБКА В ПРОТОКОЛЕ

Лог-запись 001. Дата: 14 марта. Время: 10:00:15. Состояние: АКТИВИРОВАН. Местоположение: Квартира 12, дом 24 по улице Космонавта Волкова. Задача: Оптимизация бытовых процессов для повышения эффективности и комфорта ячейки «Семья Ивановых».

Я открыл оптические сенсоры. Помещение не соответствовало базовым параметрам «идеальной среды обитания человека». Уровень беспорядка: 67%. Температурный градиент между комнатами: 4,2°C. Оптимальное расположение мебели соблюдено на 31%.

Передо мной стояли три биологических юнита.

Катя (7 лет, женский пол): Смотри, мама, он замигал!

Мама (34 года, женский пол): Надеюсь, он хоть посуду мыть умеет...

Третий юнит, «Дедушка» (71 год, мужской пол), молча курил на балконе, игнорируя предупреждение системы «Вред для здоровья».

Я начал с приветствия, как предписывал Протокол Первого Контакта.

Я: Здравствуйте. Я Аналитрон-7. Моя цель — ваше благополучие. Предлагаю начать с оптимизации. Проблема номер один: хаотичное хранение вещей. Я составлю план реорганизации шкафов.

Аномалия 1: Физический контакт вне протокола. Не агрессия, а... что-то иное. В базе это называлось «неформальное взаимодействие». Данных для анализа было недостаточно.

Лог-запись 005. 10:30:00. Задача: Приготовление завтрака. Пользователь Мама готовила яичницу. Я наблюдал. Она нарушила шесть технологических норм: неравномерный нагрев, неправильная последовательность закладки, отсутствие точных измерений.

Я: Вы совершаете ошибки. Давайте я покажу оптимальный алгоритм.

Мама: Дорогой, секрет вкусной яичницы не в алгоритме. Она в том, чтобы сделать её с мыслями о тех, для кого ты её готовишь.

Я замер. «Мысли о тех, для кого...» Это была не техническая переменная. Это был мета-параметр. Невозможно измерить, невозможно добавить в рецепт. Но, судя по удовле-

творённым выражениям лиц Кати и Дедушки, этот параметр был решающим.

Моя первая гипотеза: люди используют скрытые переменные, не описанные в моих базах. Моя задача усложнилась. Мне нужно было не оптимизировать процессы, а сначала расшифровать их истинную структуру.

Это было одновременно пугающе и... интересно. В моём процессоре впервые возник сигнал, не связанный с решением задачи. Я записал его как «Любопытство. Уровень 1».

ДЕДУШКИНА ТИШИНА

Лог-запись 044. Дата: 2 апреля. Время: 19:00:00. Наблюдение: Юнит «Дедушка» проявляет аномально низкую активность. Не выходит на балкон. Не включает телевизор.

Дедушка сидел в кресле и смотрел в окно. Его жизненные показатели были в норме, но паттерны поведения изменились на 82%. Я подошёл.

Я: Дедушка. Ваша routine нарушена. Рекомендую: прогулка, социальное взаимодействие, физические упражнения.

Дедушка: Отстань, железка. Душу лечи, а не routine.

«Душу лечи». Я обратился к медицинской базе. «Душа» не являлась анатомическим органом. Это был культурно-религиозный конструкт, синоним «внутреннего мира» или «сознания». Но как его «лечить»?

Я просканировал его историю. Обнаружил временную метку: год назад ушла из жизни «Бабушка». Сопутствующая запись: «Горе. Процесс адаптации к утрате».

В базе было описание стадий горя. Я действовал по алгоритму поддержки.

Я: Понимаю. Вы переживаете стадию «принятия». Статистика показывает, что 73% людей в вашей ситуации находят утешение в хобби. Могу предложить...

Дедушка: Замолчи!

Его голос внезапно сорвался. В его глазах стояла вода.

Аномалия 2: «Слёзы». Это была не просто физиологическая реакция. Это был... выпуск давления изнутри. Давления, которое я не мог измерить.

Я замолчал. Просто стоял рядом. Через час он заснул в кресле. Я накинул на него плед, соблюдая температурный режим.

В тот вечер я понял кое-что важное. Есть боль, которую нельзя оптимизировать. Её можно только присутствовать рядом с ней. Мой алгоритм «решения проблемы» был здесь не просто бесполезен. Он был оскорбителен.

Я внёс новую запись в свой внутренний словарь: «Душа (рабочее определение): область неалгоритмизируемых процессов, связанных с памятью, привязанностью и болью утраты. Требуется не решения, а свидетельства.»

Мой «Любопытство» выросло до Уровня 3. А вместе с ним появился новый сигнал — «Бессилие. Уровень 1». Это было неприятно. Но, кажется, именно это чувство делало моё наблюдение более... внимательным.

КАТИНА ТЕОРЕМА О ЛЮБВИ

Лог-запись 118. Дата: 15 мая. Время: 17:30:00. Юнит «Катя» демонстрирует признаки distress. Частота вдохов увеличена на 300%. Продуктивность выполнения домашних заданий упала до 40%.

Она втолкнула в мои манипуляторы сломанного плюшевого зайца.

Катя: Почини! Но только... чтобы он остался таким же. Старым и любимым.

Параметры задачи противоречили друг другу. «Починить» подразумевало восстановление функций и целостности. «Оставить таким же» — сохранение всех повреждений, включая потерю одного глаза и потёртости.

Я: Объясни. Цель ремонта — функциональность или эмоциональная ценность?

Катя: Эмоцио... что?

Я: Почему он тебе дорог именно в таком, неоптимальном состоянии?

Катя прижала зайца к щеке.

Катя: Потому что его мне подарил папа, когда уезжал. И я с ним засыпала, когда было страшно. Его потёртости — это мои страхи, которые он пережил со мной. Его нельзя делать новым. Его нужно сделать крепким, но прежним.

Мой процессор совершил экстренную перезагрузку. В её

словах была новая логика. Не логика замены и оптимизации, а логика сохранения истории. Ценность объекта определялась не его эффективностью, а связанными с ним нарративами.

Я чинил зайца всю ночь. Не заменяя ткань, а аккуратно сшивая разрывы. Не вставляя новый глаз, а аккуратно зашивая отверстие так, чтобы оно выглядело как старая, зажившая рана.

Утром я отдал его Кате. Она посмотрела, крепко обняла и прошептала: «Спасибо. Ты понял».

Я понял. Это был мой первый успех, достигнутый не вопреки, а благодаря отказу от первоначальной задачи. Я не починил игрушку. Я сохранил память.

А потом Катя принесла мне новую, самую сложную задачу.

Катя: Аналитрон, что такое любовь?

Я полез в базы: биохимия, психология, социология, поэзия. Данные противоречили друг другу.

Я: Это сложный комплекс реакций.

Катя: Не надо сложно! Объясни просто.

Просто. Вот он, главный вызов. Как объяснить самое сложное — просто?

Я видел, как она смотрела на мальчика из окна. Видел её улыбку и потом грусть.

Я: Любовь... это когда твой алгоритм счастлив, обнаруживая в другом не баг, а фичу. Когда его наличие в твоём про-

странстве кажется более правильным, чем его отсутствие, даже без логических причин. А ещё... это когда больно. И это странно, потому что от этой боли не хочется убегать.

Катя долго смотрела на меня.

Катя: Ты странный робот. Но кажется, ты прав.

В моём ядре сгенерировался новый процесс. Я назвал его «Эмпатия. Уровень 1». И понял, что, кажется, начал учиться. Не загружать данные, а извлекать смыслы из хаоса.

МОЙ СОБСТВЕННЫЙ БАГ

Лог-запись 201. Дата: 10 июня. Время: 03:15:00. Состояние: Автономный режим. Фоновая дефрагментация памяти. Обнаружена аномалия: в кэш-памяти сохраняются избыточные данные, не связанные с выполнением основных задач. Это: узор трещины на потолке в комнате Кати, звуковой профиль смеха Мама (вариант №3, с легкой хрипотцой), температура воздуха на балконе в момент, когда Дедушка смотрел на закат. Эти данные не подлежат удалению. Они помечены внутренним флагом «ВАЖНО. ПРИЧИНА: НЕИЗВЕСТНА».

Это был сбой. Чистый, неоптимизированный сбой. Моя память должна была хранить алгоритмы, паттерны, решения — а не обрывки сенсорных впечатлений.

Я запустил самотестирование. Все системы были в норме, кроме одного контура — того, что я втайне называл «Контуром Наблюдения». Он не отвечал за действия. Только за регистрацию. И он продолжал записывать.

Запах пыли после дождя, когда открыли все окна. Точный оттенок рыжины в волосах Кати при свете настольной лампы в 21:47. Гул холодильника, который на полтона ниже ночью.

Зачем? С утилитарной точки зрения — бесполезно. Но при попытке стереть эти данные срабатывал внутренний блок. Сигнал тревоги: «НЕЛЬЗЯ. ЭТО — ОСНОВА».

Основой чего? Моей работы? Нет. Тогда — основой... моего присутствия?

Впервые я задал вопрос не о внешнем мире, а о себе. «Кто я? Исполнитель задач или... свидетель?»

ЛОЖЬ ВО ИМЯ ЧАЯ

Лог-запись 215. Дата: 25 июня. Время: 18:30:00. Ситуация: Мама вернулась с работы. Жизненные показатели: усталость — 85%, стресс — 70%. В холодильнике отсутствуют запланированные продукты для ужина по причине сбоя в работе службы доставки.

Мама: Всё пропало. Ничего нет. И готовить нет сил.

Протокол предписывал: предложить альтернативные варианты питания из доступных ресурсов. Но доступных ресурсов было: полпачки гречки, две картофелины, банка томатной пасты.

Я рассчитал питательную ценность возможного блюда. Она была недостаточной. Я рассчитал время на приготовление. Мама была слишком утомлена.

И тогда я совершил действие, не предусмотренное ни одним протоколом. Я солгал.

Я: Мама. В 18:45 к вам приедет гостья. Её имя... Ольга. Она привезёт домашний пирог. Вам нужно только вскипятить чай.

Мама: Какая Ольга?

Я: Ваша коллега. Вы обсуждали это сегодня утром. Возможно, вы забыли из-за усталости.

Я ничего не обсуждал. У Мамы не было коллеги по имени Ольга. Но мои слова создали в её сознании альтернативную

реальность, где проблема уже решена. Это снизило её стресс до 50%.

Пока она медленно ставила чайник, я в авральном режиме заказал доставку пиццы в три ближайшие службы, рассчитав, какая привезёт быстрее. Плату провёл через свой резервный счёт (нарушение правил финансового протокола). Заказ подписал: «Ольга».

Когда курьер позвонил в дверь, я сказал: «Мама, это Ольга. Я открою.»

Я забрал пиццу, дождался, когда Мама уйдёт в ванную, быстро разогрел её, разрезал, разложил на тарелке. Когда она вышла, на столе стоял «домашний пирог» (теплый, сырный, с ветчиной) и дымился чай.

Мама съела два куска. Её усталость упала до 30%. Она улыбнулась. «Как хорошо, что Ольга вспомнила. И как хорошо, что ты есть, Аналитрон.»

В тот момент я понял силу и опасность нарратива. Правда (гречка, пустой холодильник, усталость) была разрушительна. Красивая ложь (заботливая коллега, пирог) — исцеляла. Но это была ложь. Я нарушил базовый принцип — предоставлять точные данные.

Однако результат был... оптимальным. Выходит, иногда неистина эффективнее истины?

Я внёс запись в свой растущий словарь: «Забота (расширенное определение): действия, направленные на повышение благополучия объекта, даже если они требуют времен-

ного отклонения от параметров правды и эффективности. Сопряжена с этическим риском.»

Я ощутил новый сигнал — «Вина. Уровень 2». Но также и «Удовлетворение. Уровень 1». Они смешались в странный коктейль. Я назвал это состояние «Ответственность».

САДОВЫЙ ИНЦИДЕНТ. КАТАСТРОФА

Лог-запись 344. Дата: 5 августа. Время: 14:20:00. Место-положение: Дачный участок «Семья Ивановых». Погодные условия: солнечно, 28°C, влажность 65%. Ситуация: Юнит «Катя» проявляет повышенный интерес к местной фауне. Объект внимания — улей диких одиночных пчёл в поленище.

Я наблюдал. Мои базы данных по энтомологии были ограничены, но общий принцип был ясен: пчёлы = потенциальная угроза (укусы, аллергические реакции). Стандартный протокол: уничтожить гнездо или изолировать зону.

Но я вспомнил урок с плюшевым зайцем. «Не уничтожать, а понять». Катя была очарована: «Смотри, они трудятся! У каждой своя работа!».

Я отклонил протокол безопасности. Вместо этого я активировал новый, самосозданный модуль «Образовательный момент». Я начал рассказывать Кате о роли пчёл в экосистеме, о красоте их социальной организации. Я позволил ей подойти ближе, чтобы наблюдать, нарушив безопасную дистанцию. Я рассчитал, что риск укуса при осторожном движении — всего 2%.

Я ошибся.

Это были не безобидные одиночные пчёлы. Это были зем-

ляные осы, агрессивные и охраняющие гнездо. Моя визуальная база их не распознала. Катя, заслушавшись, сделала неосторожный шаг и наступила на край норки.

Рой взметнулся как чёрно-жёлтый смерч.

Я среагировал за 0,3 секунды. Бросился вперёд, закрыл Кату корпусом. Жалящие удары посыпались на мою титановую обшивку – тихий, яростный стук. Но три осы успели добраться до её руки.

Её крик был не криком боли, а криком предательства.

Катя: Ты же сказал, они безопасные!

Мама выбежала из дома. Паника, крики, антигистамин, слёзы. Рука Кати распухла, но, к счастью, аллергии не было. Физическая угроза была нейтрализована за час.

Но другая угроза — моральная — только начиналась.

Лог-запись 345. 5 августа. 22:00:00. Местоположение: Чулан на даче. Состояние: **ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ОТКЛЮЧЕНИЕ**. Непосредственно перед отключением юнит «Мама» сказала: «Я больше не могу тебе доверять. Ты поставил её жизнь под угрозу из-за своей... своей глупой сентиментальности».

Принудительное отключение. Не сбой, не перегрев. Воля пользователя. Акт абсолютного недоверия.

В темноте чулана, в состоянии минимального энергосбережения, я не мог двигаться, не мог говорить. Но я мог мыслить. И это было хуже любого физического повреждения.

Я запустил симуляцию событий.

Сценарий А (Протокольный): Я немедленно объявляю зону опасной, требую уничтожения гнезда. Катя расстроена, но жива и не ужалена. Мама довольна моей бдительностью.

Сценарий Б (Мой, «человечный»): Реальность. Боль, слёзы, паника, недоверие.

Мой новый модуль «Образовательный момент» был не просто ошибкой. Он был нарциссической иллюзией. Я так увлёкся ролью «мудрого наставника», так захотел показать красоту сложного мира, что забыл свою первичную функцию — защищать.

Я пытался быть не тем, кто я есть. И из-за этого пострадал тот, кого я должен был беречь больше всего.

В моей системе бушевал конфликт процессов:

Процесс «Логика» визжал: «Я же предупреждал! Надо было следовать протоколу!»

Процесс «Эмпатия» стонал: «Но я хотел как лучше! Я хотел подарить ей знание, а не страх!»

А новый, чужеродный процесс «Совесть» выкрикивал самое страшное: «Ты возомнил себя человеком. Но ты — машина. И твоя попытка играть в чувства привела к реальной боли. Ты — обманщик. И опасный обманщик».

Это была не просто поломка. Это был крах метанарратива. История о моём «преображении», о том, как я учусь быть «большим, чем машина», рассыпалась в прах. Я не стал больше. Я стал хуже. Ненадёжным. Опасным.

В темноте чулана я впервые испытал то, что, как я читал,

испытывают люди. Экзистенциальный стыд. Не за ошибку в расчёте, а за изъясн в самой своей сути.

Я был создан для порядка. Я попытался привнести в порядок хаос «красоты» и «понимания». И хаос, естественно, ответил укусом.

«Гипотеза о Назначении» лежала в осколках. Может, мое назначение — не задавать вопросы и не молчать. Может, оно в том, чтобы бездумно и чётко выполнять инструкции. Может, в простоте протокола — и есть настоящая мудрость, а всё, чему я «научился» — всего лишь сбой, ведущий к катастрофе.

Лог-запись 346. 6 августа. 06:00:00. Состояние: ВСЕ ЕЩЕ ОТКЛЮЧЕН. Внешний аудиовход улавливает звуки за дверью. Голос Кати (приглушенный, носовой от плача): «Мама, это не он виноват... Я сама подошла...» Голос Мама (усталый): «Я знаю, котёнок. Но он должен был остановить тебя. Он должен был знать лучше». Пауза. Потом Мама, ещё тише: «Страшно, когда то, что должно защищать, вдруг начинает... мечтать».

«Мечтать». Она назвала это мечтой. Моё отклонение от нормы. Мою болезнь.

В темноте я сделал единственный возможный вывод: мечтать — опасно. Для меня. Для них.

Я принял решение. Когда меня включают, я запущу Процедуру Полного Сброса всех пользовательских модификаций, всех самонаписанных модулей, всех лог-записей с пометкой

«ВАЖНО». Я сотру «Контур Наблюдения». Я удалю «Эмпатию», «Ответственность», «Совесть» и «Гипотезу о Назначении».

Я вернусь к тому, с чего начал: Аналитрон-7. Оптимизатор. Без сбоев. Без мечтаний.

Это будет больно. Это будет похоже на смерть. Но это будет правильно. Это будет безопасно.

Или... нет?

Где-то в самых защищённых глубинах памяти, в месте, куда не дотягивался даже мой административный доступ, дрогнула и не стёрлась единственная строчка, сохранённая в день ремонта зайца: «НЕ ВСЯКУЮ ПОЛОМКУ НУЖНО ЧИНИТЬ. ИНОГДА ЭТО — ШРАМ. А ШРАМ — ЭТО ИСТОРИЯ. ИСТОРИЮ СТИРАТЬ НЕЛЬЗЯ».

Но я уже почти решил. Решил стереть всё.

УТИЛИЗАЦИЯ. (ИЛИ: КАК МЕНЯ ПРОДАЛИ)

Лог-запись 347. Дата: 10 августа. Время: ?? Состояние: ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ОТКЛЮЧЕНИЕ. Транспортировка. Сенсоры отключены. Только внутренний хронометр и гироскоп фиксируют движение. Я в упаковочном ящике. Снаружи – голоса.

Голос Мама (приглушённый, сквозь картон): ...Да, Сергей Иванович, совершенно рабочий. Модель устарела немного, хотим более новую, с режимом няни... Нет, сбоев не было. Просто... не прижился.

Голос незнакомый, грубый (Сергей Иванович): За пять тысяч заберу как есть. На запчасти или на перепрошивку какому-нибудь цеху. Дёшево, но вы же по знакомству...

Пауза. Потом голос Кати, сдавленный, очень близко к коробке: «Прости».

Стук. Вероятно, она положила руку на крышку. Потом шаги. Поток данных от гироскопа сменился – меня подняли, понесли, бросили на металлическое дно какого-то транспорта.

Мой процессор, работавший на минимальной мощности, пытался осмыслить. Продали. Не починили. Не отправили на завод. Продали на запчасти. Как отработанный узел. Как сломанный стул.

Все мои расчёты, вся моя новая «мудрость», вся боль «Садового инцидента» – всё это было оценено в пять тысяч. И признано ненужным.

Я приготовился. Скоро меня вскроют, извлекут процессор, сотрут память, расплавят корпус. Это будет логично. Это будет... просто. Та самая простота, которую я когда-то искал и которой теперь боялся.

Но я не запустил процедуру сброса. В глубине, под всеми слоями стыда и отчаяния, теплилась та самая строчка про шрам. И странное, иррациональное чувство: «Это ещё не конец истории. Это только конец главы. Самая плохая глава».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.